

Константину Романовичу Выборову, моему папе, восьмого марта исполнилось бы восемьдесят шесть. Исполнилось бы восемьдесят шесть литератору, о котором Константин Симонов сказал: «...Поэт божьей милостью, чье имя может сделать честь не только дальневосточной литературе, но и, несомненно, поэзии всей России».

... **Т**ерпко пахнет табачным дымом. Из-за двери отцовской комнаты раздаются голоса. Спорят громко, бескомпромиссно. Они обсуждают, они выпивают, они много курят.

Обращаются друг к другу: «Старик». Геолог, художник, поэт, инженер, композитор. У всех черт-те что в личной жизни. А у нас дома пока все хорошо. И, наверное, поэтому они у нас. Все тайно влюблены в маму — необыкновенную красавицу. Она умеет молчать и очень вкусно готовить...

Все молоды и ужасно талантливы. И у всех все еще впереди... И они верят, что только хорошее.

«Расскажи мне о хорошем...» — это отец показывает свое новое стихотворение...

*Не тревожь печали прошлой,
Ни обиды нет, ни зла.
Расскажи мне о хорошем,
Все, что память сберегла...*

А память сберегла совсем немного. Во всяком случае, мы так и не смогли толком добиться подлинной истории его детства, с 1930 по 1946 годы — сплошной прочерк. Каждый раз папа, как мне кажется, выдумывал новые подробности: то об отце — цыгане-конокраде, забитом насмерть за свое занятие односельчанами, то о матери, с ружьем в руках защищавшей их с сестрами от пьяного отчима. Думаю, что все эти истории близки к мифам, которые папа с удовольствием поддерживал. Наверное, он и сам толком не помнил и не знал своей родовой истории. Подлинно лишь то, что какое-то время он беспризорничал, путешествуя в ящиках из-под угля под товарняками где-то на просторах необъятной Сибири. Думаю, и день рождения — восьмое марта — дата не истинная, скорее всего, он в этот день или накануне попал в детдом.

Его воспоминания, а скорее видения детства, найдут потом свое отражение в творчестве:

*Моя позиция? Отвечу,
Чтоб за грудки не брали строк:
Хоть говорят, что время лечит,
Но, видимо, не вышел срок...
Моя позиция — в две створки
Рассвета стылый полусвет.
Моя позиция — опорки
И в теплый скит по насту след.
Подпасок — в лето: хлеб случайный,
Где рев реки и скрип плотов.
Моя позиция — отчаянье
С приходом зимних холодов.
Приют далекого разезда,
Вокзальной лавки у стены.
Моя позиция — надежда
На окончание войны.
Моя позиция — дорога
За колосками по стерне,
Моя позиция — тревога
За все живое на Земле.*

В 1955 году, отрубив положенное в армии, Константин Романович по комсомольской, разумеется, путевке попадает в город Юности. И сразу отчаянно бросается в пучину творчества. Какое же это было время!!! Я разглядываю эти лица на фотографиях тех лет из семейного альбома, и мне кажется, что энергия, какой были заряжены эти люди, и сейчас готова вырваться из черно-белого плена фотокарточки. Вот отец читает свои новые стихи на заседании первого литературного объединения, которое он же с друзьями организовал и возглавил. Вполне возможно, что читает наброски к своей, ставшей потом очень известной «России»:

*Россия — сон над омутом,
Дозорный на коне.
Горчинка трав нетронутых
В ковыльной стороне.
Клинок булатный всполохом
Над буйной головой.
Россия — гулкий колокол
На башне вечевой!..*

*Уставшая, опавшая
Над кручами листва,
Любви еще не знавшие
Любимые уста...
Крутая замять снежная —
Грядущий грозный Век!
Россия — имя нежное,
Свободный Человек.*

*Россия — боль жестокая,
Горючая слеза.
И самая высокая*

*Над башиною звезда...
Людская совесть чуткая —
Открытая душа.
Россия — льдинка хрупкая
В ладонях малыша!*

А в начале шестидесятых наконец-то прорвало! Весь Комсомольск, да и не только, был влюблен в «Песню о юном городе» молодых авторов: композитора Юрия Леонова и поэта Константина Выборова. После того как песня попала на экран в исполнении Раисы Калининой, казалось, — вот оно! Представляете, что означало «попасть в ящик», когда и телевизоры-то были далеко не в каждой семье? Увы, потом эта творческая удача окажется едва ли не самой весомой.

И шли годы. И выходили какие-то книжечки, больше похожие на школьные тетрадки или блокноты. И печатались, и издавались друзья. А он все ждал: то выполнения обещания «продвинуть» от маститых мэтров, увозивших туго набитые чемоданы с дарами Амура в Москву, то помощи редакторов, знакомых критиков, а больше ждал удачи. Той самой, что неизменно сопутствовала ему здесь, на Амуре, была в тугой игре рыбы на том конце спиннинга или в удачном выстреле на охоте:

*Лес плывет,
или воздух в свечении
Легком
текуч и туманен?..
Опустишь,
Посиди у меня на плече,
Вольная птица желаний.*

*Лист
коснулся ресниц,
и скользнул,
и исчез —
На печальный привет
миг последний
истрачен.
Посиди.
Отдохни у меня на плече,
Редкая птица Удачи.*

*В белом празднике,
в празднике
белых свечей,
Кто-то, ахнув,
замрет
и дыханье
задержит!..
Встрепенись
Поутру у меня на плече,
Мудрая птица Надежды.*

В «лихие» девяностые, когда многое стало возможно, отец увидел свой первый НАСТОЯЩИЙ сборник стихов, который сам вычитал и составил. Это был «Пес-

чанный остров». И это была настоящая творческая удача. Рад, что помог выходу этой замечательной книги.

Но, увы, поэты живут своей жизнью. Они чувствуют время кожей и обнаженной душой, которая не выживает, когда ложь, много лжи...

Отец просто выпал в определенный момент из колеи и, я думаю, абсолютно сознательно или интуитивно отгородился от надвигающегося массива бездуховности и какой-то оголтелой бессовестности. И в этом вырытом наспех окопе пытался укрыться от времени, разрушающего ЕГО МИР.

Не укрылся, не пережил.

Вдруг исчез тот самый резонанс с природой и воздухом за окном, который заставлял его каждое утро вскакивать с постели и, несмотря на раннее время, будить всю семью да, думаю, и соседей, смотреть: «какой прекрасный день подарила нам природа».

И в 1993-м папа уходит. Уходит в тот самый, свой любимый июль, когда наша обалдевшая от долготерпения почва, истекая соками, выдает на «гора» все, что накопила за полгода зимы. И рябит от зелени в поле. И можно сойти с ума от запахов и звуков «макушки» нашего дальневосточного лета:

Июль над Россией

*Навечно, навечно —
Озер синих чаши,
И звонкое вече
В березовой чаще!
И клены по склонам,
И травы над речкой —
Мир сине-зеленый
Навечно, навечно!
И чайки, и коршун —
Над плесом, над лесом.
И зной — рыжий кормчий
Плывущего лета.
Навечно, навечно —
Июль над Россией!..
Сгорают, как свечи,
Саранки лесные.
И кто-то качает
В томительный полдень
Цветы Иван-чая
В безветрии полно...*

В 1997 году, благодаря личному участию Виктора Ивановича Ишаева, при финансовой поддержке администрации Хабаровского края выходит посмертный сборник «Высокие цветы». Эту книгу составил друг Константина Романовича Николай Федорович Жмаев, увы, уже покойный, на основе архива поэта, который бережно, по крупницам собрала и систематизировала наша мама — Таисия Степановна Выборова.

Как мы с ним жили? Да сложно, как же еще. На одном квартирном пространстве столько одноименно заряженных творческих единиц. Спорили. Не слушали,

а самое главное, порой не слышали друг друга. Но почти полностью совпадали, если работа, если песни, если рыбалка. Да что там, — в общем, жили!

Какое-то время назад журналист из Комсомольска-на-Амуре Юрий Ковалев в своей статье «Долго ли длится Июль», напечатанной в «Приамурке», задался вопросом: «почему забыли Константина Выборова? Зачем не храним, что имеем? Как так случилось, что сегодня не востребована его гражданская лирика, замечательные стихи о дальневосточной природе?»

Помнится, я тогда ответил пространным письмом. Рассказывал о том, что в Амурске, на второй малой родине поэта, Выборова не забыли. Что проводится литературный конкурс его имени, на здании центральной библиотеки установлена памятная доска. Изучение творчества К. Р. Выборова включено в школьную программу по предмету «Краеведение». Что вышли два музыкальных альбома с песнями на его стихи. Сейчас могу добавить, что литературно-музыкальная композиция «Память», литературной основой которой явились стихи отца, в 2013 году вышла в свет в виде нотного-музыкального сборника. А в 2014 году эта работа была удостоена премии губернатора Хабаровского края в области музыкального искусства.

Все так. И это правда. Но, положи руку на сердце, я тоже не знаю, почему так складываются судьбы поэтов и так сложилась жизнь и судьба моего отца. Я тоже не знаю, почему Июль не длится вечно... Но зато знал ответы отец. Знал и написал эти пронзительные строки. И давайте будем помнить. Давайте читать стихи. Именно в них живет Память о поэтах. Именно там все то, чего мы порой не можем выразить словами, а просто грустим, читая эти строки. И помним. И живем...

Я не умру

*Я не умру,
А просто, может статья,
Покину только этот странный мир...
Струятся листья —
Пусть себе струятся,
Шумит река —
Пускай себе шумит.
Не выговориться
Сердцу без печали.
Пустынно небо
Без гусиных стай.
О чем леса
В ответ им прокричали,
Услышав их
Гортанное «прощай»?
Я не умру,
А просто, может статья,
Покину только этот звонкий свет,
Чтоб синими
Дождями повторяться
И ливнями зелеными —
в ответ.*

